

У судьбы нет причин без причины
сводить посторонних...

Саша высунула руку из-под зонта и поймала на ладонь каплю дождя. Капля была увесистая, тяжелая, явно осознающая свое право падать на землю Петербурга.

Это тебе не маленькие легкие капельки в Энке, которые не столько мочили даже, сколько освежали, быстрые и задорные, барабнящие по крышам домов и уличных ларьков. В Энке дожди случались нечасто и проливались быстро, заставляя с визгом прятаться под ближайшим навесом.

У Саши даже зонта не было. Зачем?

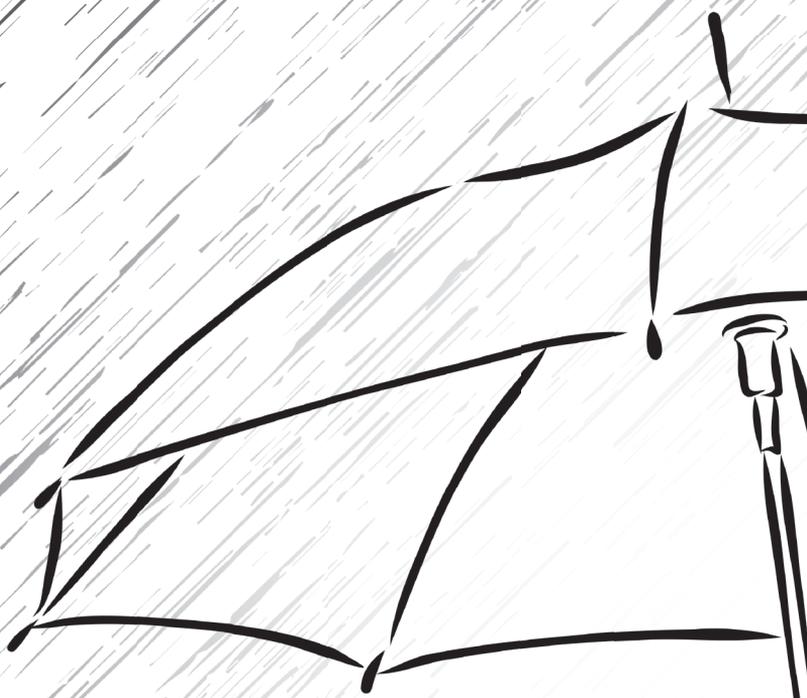
— В Питер без зонта?! — удивилась Лера, с которой Саша познакомилась в группе для иногородних студентов. — Ты что, с ума сошла? Или жабры отрастила?

Саша тогда отмахнулась, списывая бурную реакцию знакомой на ее излишнюю эмоциональность — что она, дождь не перетерпит?

А потом пришел он — питерский дождь. Серая пелена, укрывшая весь город на долгих три дня. В воздухе повис запах влажности, стены домов потемнели, потяжелели, прохожие сутулились, поднимая воротники и вжимая головы в плечи.

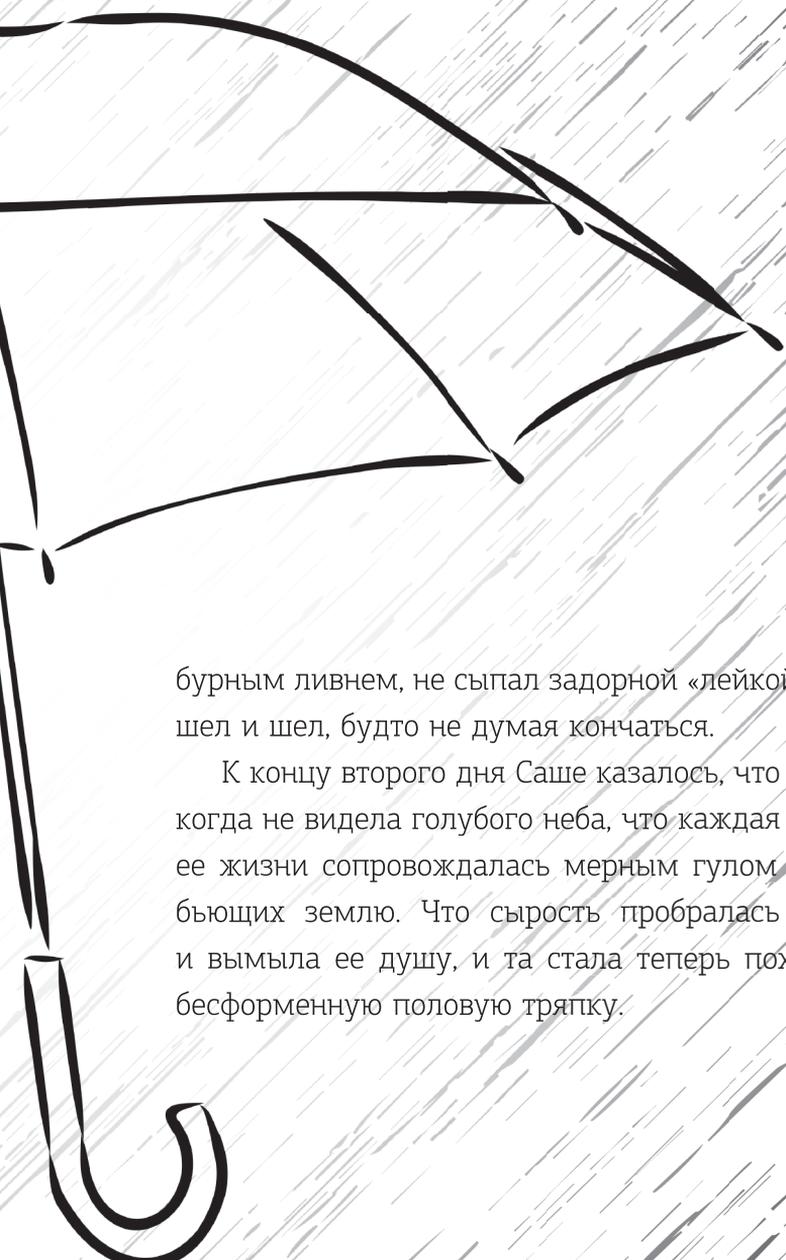
Саше тоже пришлось выйти из дома. Сначала она пыталась шагать с гордо поднятой головой — что она, дождя, что ли, не видела? Но в какой-то

момент поймала себя на том, что начала вжимать голову в плечи, как и все. Длинные волосы отяжелели от влаги, русый цвет больше не переливался скрытым золотом на солнце — потому что солнца не было. Саша хотела было поймать на палец дождинку (если получится — желание исполнится), но руки словно вросли в карманы, а упрямые злые капли били по голой шее, по щекам, не обещая никакого волшебства.

Этот дождь был медленным и неумолимым, как выговор в кабинете директора. Он не хлестал

бурным ливнем, не сыпал задорной «лейкой» — он шел и шел, будто не думая кончаться.

К концу второго дня Саше казалось, что она никогда не видела голубого неба, что каждая минута ее жизни сопровождалась мерным гулом капель, бьющих землю. Что сырость пробралась внутрь и вымыла ее душу, и та стала теперь похожа на бесформенную половую тряпку.

АЛЕКСАНДРА ШУНДЕЛЬ

Саша даже купила зонт, надеясь, что это жертвоприношение поможет. Зонт был огромный — трость, и, конечно, черный. Саше хотелось какой-нибудь яркий — желтый или зеленый, но продавщица посмотрела на нее как на дурочку, когда она попросила «что-то повеселее», и предложила зонт с видами города.

Взять именно «трость» Сашу уговорила продавщица, сопроводив это комментарием, что Саша со своими метр пятьдесят роста под зонтом спрячется целиком.

— Ты же такая Дюймовочка, — улыбнулась она.

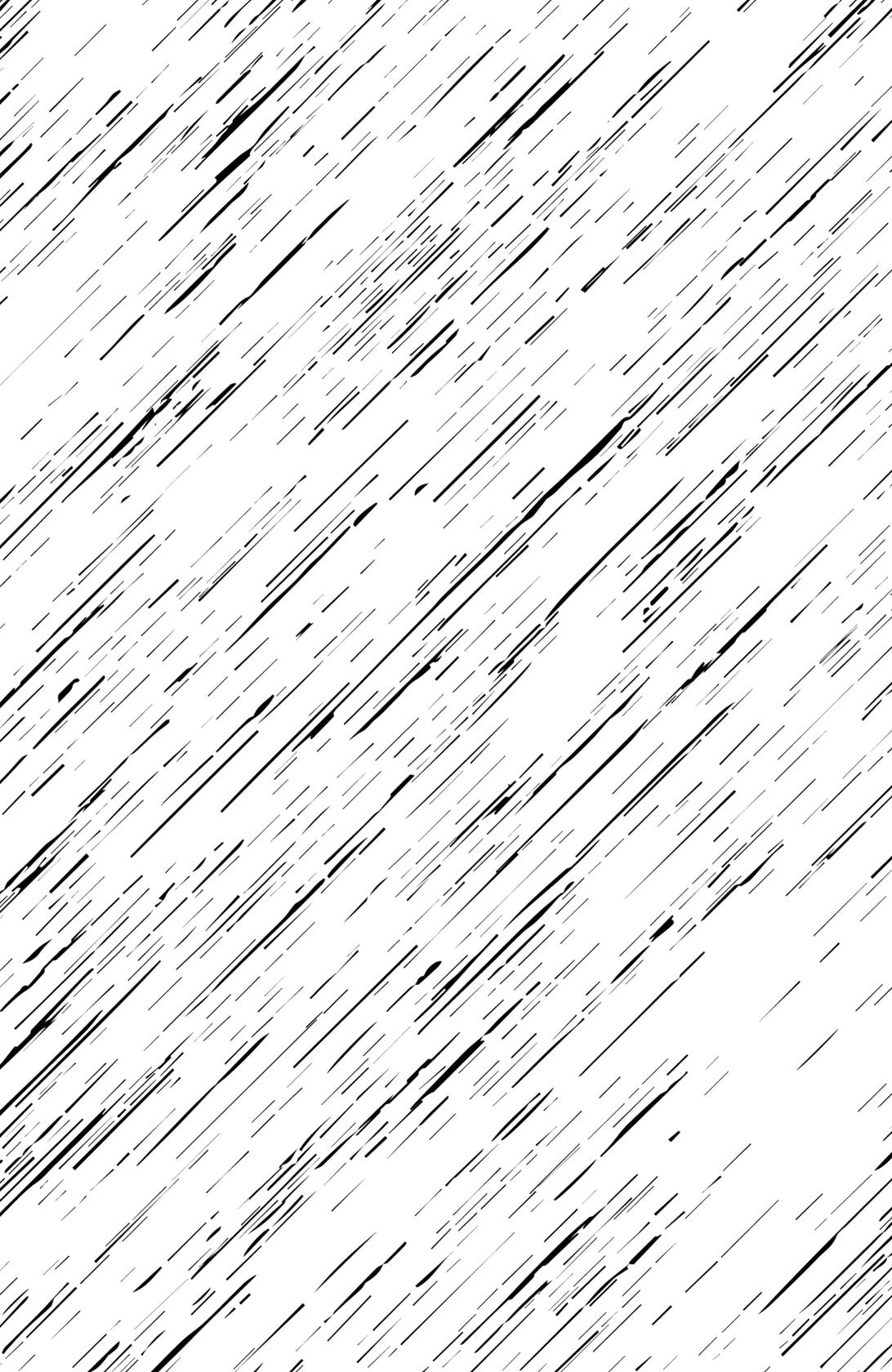
Дюймовочка, крошечка, малышка, куколка — все эти слова Саша знала наизусть и ненавидела всей душой. Каждый раз, когда она приходила в магазин, ее отправляли в детский отдел. В транспорте не замечали, в час пик пытались встать ей буквально на голову (а уж добраться до дверей и выйти на своей остановке — и вовсе невыполнимая задача), при попытке купить что-то дороже (или крепче) кефира — отправляли за родителями. Пару раз Саше даже приходилось выходить из лифта и идти по лестнице — ее веса было недоста-

НАМ НЕ БЫТЬ ВМЕСТЕ

точно, чтобы он поехал. А один особенно находчивый мужчина на рынке в Энске снова и снова подносил к Сашиному носу большой и указательный пальцы, раскрытые на сантиметр, потом убирал руку в карман и повторял: «Спрячу в карман и унесу с собой! Никто не увидит! Такая малышка!».

Дюймовочка, крошечка,
малышка, куколка — все эти
слова Саша знала наизусть
и ненавидела всей душой.

АЛЕКСАНДРА ШУНДЕЛЬ

Первые дни в Петербурге Саша пребывала в какой-то эйфории — она переехала в огромный город, настоящий мегаполис, поступив на один из престижных факультетов второго по силе вуза страны! Окрыленная, едва бросив вещи в съемной квартире, она бросилась на Васильевский остров, чтобы посмотреть на свою будущую alma mater.

Огромное серо-коричневое здание нависало над улицей — строгое и неприветливое. Саша думала, что внутри ее ждет дух старого университета: широкие коридоры, бюсты ученых в нишах, деревянные рамы на окнах — но ее ждал евроремонт, гул голосов и неприязненные взгляды.

«Ничего, зато учиться будет интересно! — решила Саша. — Это ведь журналистика!»

Вуз для нее выбрала мама. Саша, заканчивая школу, сама не знала точно, куда хочет поступать. Ей хотелось приключений, свершений, чуда, хотелось видеть, как какая-то ее идея, выходя из-под ее рук, обретает плоть и кровь...

В начале весны, когда разговоры о будущем обучении стали неизбежны, Саша собрала свои

НАМ НЕ БЫТЬ ВМЕСТЕ

альбомы для рисования и, несколько раз глубоко вдохнув и выдохнув, подошла к маме. Положила на стол рядом с фарфоровой чашкой, в которой дымился крепко заваренный чай, чуть сдвинув хрустальную розетку с абрикосовым вареньем.

— Что это? — Мама приподняла тонко выщипанную бровь и подцепила обложку альбома двумя пальцами с перламутровым маникюром. Утонченная и сдержанная, словно учительница игры на фортепиано, она идеально вписывалась в окружающую обстановку их квартиры — старинные книжные шкафы и часы с боем, венские стулья и даже бюро, каким-то образом сохраненное дедушкой с войны.

Сама Саша вписывалась в эту обстановку гораздо хуже: мама считала, что даже за стол нельзя сесть, не уложив волосы в прическу и не тронув скулы румянами. Саша же вообще никогда не красилась, большие карие глаза и россыпь веснушек заменяли ей любой макияж. Мама носила платья и юбки, вся обувь у нее была на небольшом каблучке, Саша предпочитала кроссовки, джинсы и толстовки. Мама покрывала лицо пудрой и кремом от солнца, потому что загорелыми ходят только крестьянки, а Саша часами валялась

АЛЕКСАНДРА ШУНДЕЛЬ

на пляже, почти физически ощущая, как ласковые лучики рассыпают по ее коже новые пригоршни веснушек. Мама твердо стояла на земле, а Саша... любила мечтать.

